

БЕГСТВО РОГАТЫХ ВИКИНГОВ

Герои наших историй живут в подмосковном городке. На улице, которая называется Крепостная. Дело в том, что в давние времена, когда по полям шастали орды кочевников, здесь стояла крепость. Небольшая, деревянная, с бревенчатыми восьмиугольными башнями. Потом она сгорела и разрушилась. Остался только земляной вал да овраг, который раньше, говорят, был крепостным рвом. Но скорее всего это просто легенда, потому что овраг далеко от вала. Да еще название улицы напоминает о старине.

Вал густо порос одуванчиками. В овраге растет крапива, булькает ручеек и живут стрекозы и лягушки. На Крепостной улице живут мальчишки.

Конечно, там есть и взрослые, но речь главным образом пойдет о мальчишках.

Улица широкая, но тихая. Машины по ней не ходят, потому что она упирается в овраг. Дорога заросла, и даже сквозь узкий асфальтовый тротуар пробиваются лопухи. Домики прячутся в палисадниках с сиренью.

Сами понимаете, что такая улица — рай для футбола. И для всяких других игр.

Серезжка возвращался поздно вечером и на кухне, сдержанно кряхтя, начинал заклеивать пластырем ссадины на ногах.

— Ну и побоища у вас! — сказал я однажды. — Каждый раз с отметинами приходишь.

Сережка, вытянув шею, пытался облизать ссаженный локоть.

— Подумаешь... побоища, — ответил он. — Какие это... побоища... Чушь... Вот в прошлом году...

И, лизнув наконец локоть, поведал эту историю.

В конце июня их осталось пятеро. Почти все «овражники» — ребята с этого конца — разъехались кто куда: в лагерь, к бабушкам, на юг, а один даже в тайгу с отцом-геологом.

6 А из компании Тольки Самохина никто не разъехался. Или сговорились, или случайно так получилось, но их как было, так и осталось шестнадцать, не считая всякой мелкоты.

У пятиклассника Сережки Волошина и его друзей никогда не было прочного мира с Толькиной компанией. Кто тут виноват, сказать нелегко. Однако все отмечали, что Самохин — человек въедливый и зловредный. Он ко всем придирался и никогда ничего не прощал. Сережке он, видно, не мог простить, что тот не подчиняется. Не считает его, Тольку, за командира в здешних местах, а сам имеет «армию». Правда, Сережкина армия была не такая большая и воинственная, но, пока она была в сборе, могла постоять за себя. И вдруг неприятность — разъехались!

Те, кто остался, жили в одном дворе. В двухэтажном доме — мальчишки, а в маленьком, в глубине двора, — девочка Виктория. Или попросту Вика. Одноклассница Сергея.

Викины родители были путешественники. Они не поднимались на снежные вершины, не искали рудные залежи и не раскапывали в песках древние города, они просто ездили. Каждый отпуск они проводили с туристскими группами то на Черном море, то в Ленинграде, то на Волге.

А воспитывать Вику приглашали папину сестру Нину Валерьевну.

Нина Валерьевна была худая, длинноногая и печальная женщина. То, что она тяжело больна, подразумевалось само собой. Это все знали, когда еще Виктории на свете не было. А если кто-нибудь спохватывался и пытался узнать о ее болезнях подробнее, Нина Валерьевна медленно и выразительно поднимала глаза на невежу. «Как же вам не стыдно? — говорил этот взгляд. — Мучить бедную женщину, жизнь которой висит на паутинке!» И невеже становилось стыдно.

Чтобы окружающие не забывали о ее страданиях, Нина Валерьевна постоянно сообщала: «Ах, как у меня болит голова». Фразу эту она произносила регулярно через каждые четыре с половиной минуты.

7

То, что ей приходилось воспитывать Вику, Нина Валерьевна считала подвигом. Она так и говорила: «Надеюсь, люди когда-нибудь поймут, какой подвиг я совершаю».

Может быть, Викины родители это понимали, но они были далеко. А Вика не понимала.

— Уик-то-о-риа-а! — на иностранный манер голосила по вечерам Нина Валерьевна. — Пора домой! Слышишь?! Все нормальные дети уже спят! Уик... (ах, как у меня болит голова!)... ториа. Не заставляй меня снова принимать валокордин!

— Выходит, я ненормальная! — шептала в каком-нибудь укрытии Вика. — Ну и отлично. Тогда мы еще погуляем. Ага, мальчики?

Как все нормальные девчонки, Вика гоняла с ребятами в футбол, временами дралась, ныряла с полузатопленной баржи и никогда не забывала, что она девочка. Довольно часто Вика появлялась во дворе в модном сарафане или платье и вопросительно поглядывала на ребят. Мальчишки понимали девчоночью слабость и сдержанно хвалили обнову.

Платья и сарафаны Виктория кроила из прошлогодних туристских нарядов матери и шила на расхлябанной

швейной машинке, которая постоянно ломалась. Чинили машинку братья Дорины.

Братья были близнецы, хотя и ничуть не похожие: Стасик белобрысый, а Борька худой и темноволосый. Жили они душа в душу. И увлечения у Дориных были одинаковые. Больше всего они любили книжки про технику и роботов. Дома у них был механический кот для ловли мышей, звали его Меркурий. Правда, ни одной мыши он не поймал, зато бросался под ноги гостям и хватал их за ботинки железными челюстями...

8 Еще в этой компании был первоклассник Джонни. Вернее, даже не первоклассник. В школу он лишь собирался, а пока ходил в «подготовишку» — самую старшую группу детсада. Но ведь те, кто, например, только перешел в пятый класс, тут же называют себя пятиклассниками, не дожидаясь новой осени. Вот и Джонни не стал ждать.

Имя Джонни было ненастоящее. Вообще-то его звали Женька. Но Женькин язык имел маленькую странность: не умел выговаривать букву «ж». Получалось «дж». Вместо «железо» Женька говорил «джелезо», вместо «жулик» — «джулик». И себя называл Дженькой. Но что за имя — Дженька! Вот и переделали в Джонни.

Детсадовскую жизнь и порядки Джонни холодно презирал. Он отлично умел читать и решать примеры с «иксами», знал, как устроены космические ракеты и электропробки, и терпеть не мог всякие хороводы и «гуси-лебеди». Чахлая программа подготовительной группы была не для него.

В группу Джонни являлся в потрепанных техасских штанах с мордастым ковбоем на заднем кармане и выцветшей футболке. «Техасы» подметали бахромой паркет и пылили, как мотоцикл на деревенской улице. Воспитательницу Веру Сергеевну этот костюм доводил до истерики, но Джонни оставался спокоен. Во-первых, Вера Сергеевна была его двоюродной сестрой, во-вторых, он никогда не унижался до споров с начальством. Если жизнь в группе становилась нестерпимой, он просто брал под мышку

«Сказки братьев Grimm» и уходил к малышам. Малыши смотрели на Джонни, как новобранцы на прославленного генерала. А их воспитательница на него чуть не молилась: Джонни избавлял ее от многих забот.

Ребят из младшей и средней группы Джонни любил. Конечно, они были народ необразованный, но это по малолетству, а не по глупости. И носов они не задирали. А как они слушали сказки!

Малыши верили в Джонни и чуть что бежали к нему. И в тот воскресный день, когда викинги совершили первое преступление, два пятилетних гонца отыскивали Джонни. А Джонни отыскал друзей.

Сережка, Виктория, Стасик и Борька сидели на верхней перекладине забора, которая называлась «насест». Это было их любимое место. Они сидели и бездельничали. Хмурый Джонни влез на насест и сообщил:

— Самохин опять пиратничает...

— Что? — напряженно переспросил Сергей.

— Понаделали всякого оружия и на всех лезут. У Митьки Волкова и Павлика Гаврина плотину сломали. Они ее в овраге на ручье делали, а они растоптали.

— Шакалы! — искренне сказала Вика. — Нашли на кого нападать!

Сережка прищурился и медленно произнес:

— Думают, если Санька уехал, Митьку можно задевать...

Санька был братом пятилетнего Митьки и другом Сергея.

— Пошли поговорим с ними, — деловито предложил Борис.

10 — Их шестнадцать, — сказал Джонни. — И мечи, и щиты, и копья. Вот они скоро здесь проходить будут, увидите.

И правда, через минуту раздался дружный топот и брэнчанье. Топала Толькина компания, а брэнчали доспехи.

— Укройсь, — велел Сережка. Они прыгнули с забора и прильнули к щелям.

По дороге шло грозное войско.

Необычный был у войска строй. Впереди шел один человек, за ним два — плечом к плечу, потом шеренга из трех, за ней — из четырех. А дальше снова шли три, два и один. Получался остроконечный четырехугольник — ромб.

Каждый воин держал громадный, как цирковая афиша, щит, который закрывал хозяина от щиколоток до плеч. Все щиты смыкались краями и опоясывали строй, как сплошная броня.

Но удивительней всего оказались шлемы. Чего здесь только не было!

Ржавые каски, кастрюли с прорезями для глаз, колпаки от автомобильных фар, алюминиевые тазы. И каждый шлем был с рогами! Рога из железных трубок, из проволоки, из жести — припаянные, приклепанные, прикрученные — торчали грозно и вызывающе.

Самохин шел первым. На нем сверкал никелированный чайник. Из носика чайника получился отличный рог. Второй рог — такой же — был припаян с другой стороны. Крышка, видно, тоже была припаяна. Чайник закрывал лицо до подбородка. На блестящем металле чернели прорези для глаз.

Над щитами, над шлемами гордо подымались копыя. Мочальные хвосты и пестрые флажки реяли у наконечников.

— Ну и стадо, — сказала Вика.

— Смех смехом, а не подступиться, — возразил Борька. — Даже из рогаток не прошибешь.

В середине строя, за щитами, мелко стучал металлический барабан.

— Понятно, — зло сказал Сережка. — Начитался Самохин про викингов. Есть такая книжка — «Черный ярл». Слыхали, кто такие викинги? Это морские бродяги были, вроде пиратов. Давно еще. Они в Скандинавии жили, где сейчас Швеция и Норвегия... В пешем строю они всегда таким ромбом ходили. Закроются с четырех сторон щитами, и не подступишься. И шлемы у них рогатые были, чтобы страх нагонять.

— Ну и страх! Потеха одна! — громко заявила Вика. — Что-то вы побледнели, мальчики. Животы в порядке?

— Уиктория-а! — укоризненно протянул Стасик. — Зачем ты так говоришь? Не заставляй нас принимать вальерянку.

— А ярл — это кто? — спросил Борис.

— Это значит вождь, — объяснил Сережка. — Вроде князя.

— Он негр? — поинтересовался Джонни.

— Почему?

— Ну, раз черный!

— Да это прозвище. Тоже для страха.

— А ярла в чайнике мы тоже боимся? — спросила Вика.

— Мы его вечером поймает, — решил Сережка. — Когда будет без чайника.

Только Самохина друзья повстречали у входа в летний кинотеатр.

Толька хотел попасть на двухсерийный фильм про трех мушкетеров. Он не попал. Его прижали спиной к решетчатой оградке, над которой поднималась трехметровая фанерная афиша. На афише д'Артаньян ловко раскидывал длинной рапирой целый взвод кардинальских гвардейцев, но Тольке от этого было не легче.

— Поговорим? — сказал Сережка.

— Четверо на одного? — сказал Толька.

— А разве много? — язвительно спросила Вика. — Вас то сколько было, когда плотину у двух малышей раздавили?

12 — Мы? Раздавили?

— А не давили, да?

— Мы по ней только через ручей прошли! У нас на той стороне тактические занятия были! Мы что, знали, что она сломается?

— Думать надо было, — наставительно сказал Борька.

— Головой, — добавил Стасик.

— А у него не голова, — произнес остроумный Джонни. — У него джестянка с рогами.

— Ты мои рога не тронь, — мрачно сказал предводитель викингов.

— Можно и потрогать, — заметил Сережка.

— Четверо на одного?

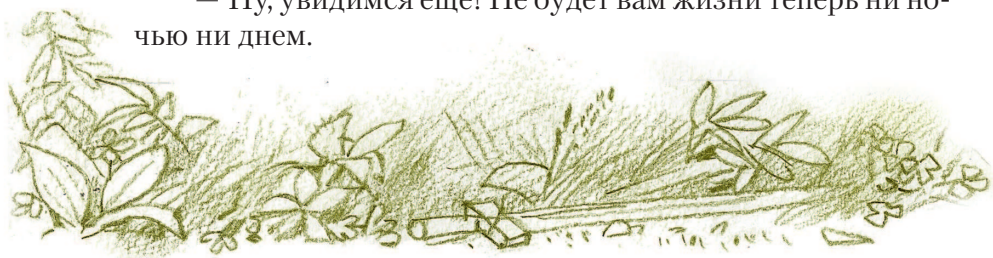
— Пятеро!! — взвился уязвленный в самое сердце Джонни. Только сейчас он понял, что Самохин не желает его даже считать. — Вот как вделаю по уху!

— Козьявка, — сказал викинг. — Вделай.

Джонни зажмурился и «вделал»...

В общем, Самохин вырвался из окружения помятый и взъерошенный. Наверно, хотелось ему зареветь. Но он не заревел. Он, часто дыша, сказал издали:

— Ну, увидимся еще! Не будет вам жизни теперь ни ночью ни днем.

Друзья озабоченно молчали и не смотрели друг на друга.

— Вот что, люди, — заговорил наконец командир Сережка. — Давайте-ка топать на свою территорию. И поскорее. Полезное это будет дело.

Он оказался прав. Едва укрылись во дворе, как Джонни известили с «наседа»:

— Идут!

Все забралось на перекладину.

Противник двигался в боевом порядке. Мерно колыхались копья и звякало железо.

— Красиво идут, черти, — со вздохом сказал Сережка. Наверное, все-таки завидовал, что нет него такой могучей армии.

13

— Ну и красота! Понацепляли утильсырье... — откликнулась Вика.

Викинги приближались. Толька шел впереди. Рогатый чайник его вспыхивал на вечернем солнце. Лучи отскакивали от него, как оранжевые стрелы. Справа и позади командира шагал верный адъютант Вовка Песков по прозвищу Пескарь. Впрочем, знающие люди утверждают, что прозвище это надо писать через «и», потому что оно не от фамилии, а от Вовкиной писклявости. Пескарь (или Пискарь) тоже был в чайнике, только не в блестящем, а в эмалированном. Крышки у чайника не было, и в круглом отверстии торчал белокрысый хохол.

Строй викингов остановился, нацелившись острием на забор.

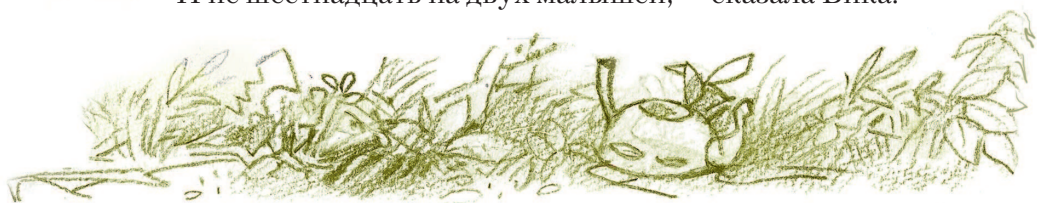
— Ну, чего расселись, как курицы? — глухо спросил Самохин из-под шлема. — Идите, побеседуем.

— Сено к корове не ходит, — сказал Сережка.

— Трусы, — заявил Толька, презрительно глядя сквозь прорези. — Это вам не пятеро на одного.

Джонни гордо улыбнулся.

— И не шестнадцать на двух малышей, — сказала Вика.

— Пескарь, давай, — приказал Самохин.

Адъютант вышел из строя и приблизился к забору. Тонким голосом он отрапортовал:

— Объявляем вам всем смертельную войну до полной победы, чтоб не было вам нигде проходу!

— Всё? — спросил Сережка.

— Всё, — сказал Пескарь и нерешительно оглянулся на ярла.

— Объявил и катись отсюда, — хмуро предложил Сережка.

— Сам катись, — ответил Пескарь, потому что приказа отступить не было.

14 Джонни деловито плюнул, целясь в неприкрытую макушку викинга, но не попал. Оскорбленный Пескарь поднял копьё, чтобы отомстить обидчику. Борька и Стасик ухватили копьё за наконечник, дернули к себе. Пескарь не ожидал такого и выпустил оружие. Дорины тупым концом копья трахнули Пескаря по щиту, и посол викингов шлепнулся на асфальт, раскидав худые, как циркуль, ноги.

Викинги склонили копья и ринулись к забору. Пятеро друзей, как парашотисты, посыпались вниз, во двор.

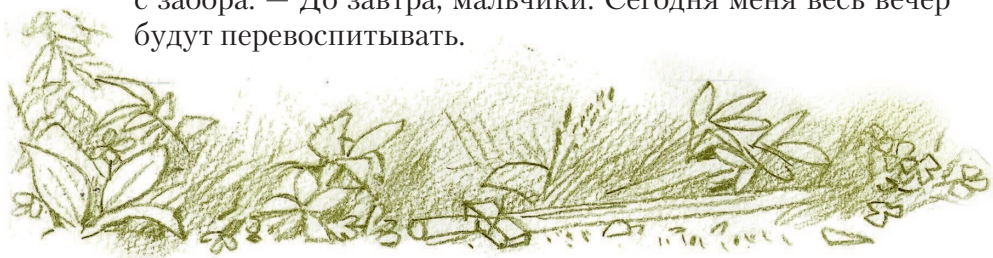
— Минуточку! — крикнула Вика и метнулась к своему крыльцу.

Буквально через несколько секунд она примчалась с ведрком. Вода блестящим языком перехлестнула через забор. Послышались яростные крики, и викинги отступили. Вика снова уселась на шатком заборе.

— Эй вы, мелкий рогатый скот! — радовалась она. — Обезьяны в дырявых мисках! Получили? Мы вас всех переловим по одному, рога пообломаем!

— Уикто-ориа-а! — раздался позади возмущенный вопль. — Что ты говоришь! Сию же минуту ступай домой! Ты сведешь меня в могилу!

— Сведешь тебя... — проворчала Вика и шумно упала с забора. — До завтра, мальчики. Сегодня меня весь вечер будут перевоспитывать.

— Держись, — откликнулся Сережка. — Утро вечера мудренее.

Но утро не оказалось мудренее. Оно не принесло ни радостей, ни свежих мыслей, ни особых новостей. Была только одна новость: Джонни оказался именинником. Ему исполнилось семь лет, и он на законных основаниях не пошел в детский сад.

— Уговаривали, — сказал Джонни. — Хотели, чтобы я туда до самой осени таскался. Я сказал, что фиг. Дожирно будет.

Не было теперь нужды дразнить своим видом воспитателей. Поэтому Джонни явился к друзьям не в обычном ковбойском костюме, а в октябрятской форме, купленной вчера в магазине «Светлячок».

15

— Джонни, ты — генерал, — сказала Вика, разглядывая синюю пилотку и голубую рубашку с погончиками. — Тебя, именинника, надо бы за уши потаскать, да я подступиться боюсь.

— Мы ему железного кота подарим, — пообещал Стасик.

Слова о генерале повернули все мысли к военным делам.

— Эти паразиты вчера до ночи маршировали, — сказал Борька.

Сережка вздохнул. Это был вздох полководца без армии. Сережка сказал:

— Набрать бы человек двадцать, поставить бы впереди всех Джонни с барабаном... Дали бы мы этой рогатой банде!

— Может, на них вашего кота напустить? — спросил Джонни у Дориных.

— Мелковат, — сказал Борька.

— А если что-нибудь покрупнее смастерить? — оживилась Вика.

— Пушку? — спросил Борька.

— За пушку влетит, — рассудительно заметил Джонни.

